

Гибридная война: военно-политический панкратион XXI века

А.В. Соловьев

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена межгосударственного противоборства, получившего название «гибридная война». Осуществлена попытка соотнесения данного явления с историческим греческим видом противоборства «панкратион». Анализируются философские и исторические предпосылки гибридной войны, ее гносеологические и идеологические аспекты. Оценивается истинность утверждения, объявляющего Россию виновной в ведении данного вида войны. Исследование релевантных источников позволяет ответить на вопрос о теоретических предпосылках формирования концепции гибридных войн, указать имена авторов, стоящих у истоков возникновения взглядов трансформации войны в новую разновидность военного противоборства. Осуществляется сравнительный анализ различных интерпретаций понятия «гибридная война». Рассматривается место данного понятия среди других, относящихся к так называемым «новым войнам». Подвергается сомнению попытка придать негативную коннотацию концепту гибридной войны и правомерность попыток западных стран приписать ведение подобного вида военных действий исключительно России. Критикуется использование рядом стран комплекса «козла отпущения», описанного французским философом Р. Жираром, против России. Расширительная трактовка данного комплекса знаменует собой сакрализацию коллективной агрессии, но не по отношению к индивиду, а применительно к суверенному актору международных отношений. Осмысление сущностных черт гибридной войны, ее тенденций к устранению ограничений и регламентации форм и способов достижения военно-политических целей позволяет выявить возможности противостояния агрессивным устремлениям стран, пытающихся навязать другим субъектам свои сценарии разрешения межгосударственных противоречий.

Ключевые слова: философия войны, безопасность, международные отношения, противоборство, мятежевойна, не-война, военная стратегия.

Соловьев Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

alexol.ross.msc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0814-0473>

Для цитирования: *Соловьев А.В.* Гибридная война: военно-политический панкратион XXI века // *Философские науки.* 2021. Т. 64. № 6. С. 55–73. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-55-73

Hybrid Warfare: Politico-Military Pankration of the 21st Century

A.V. Soloviev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of interstate confrontation known as “hybrid war.” It attempts to consider this phenomenon in relation to *pankration*, the ancient Greek martial art with minimum limitations. The paper defines the philosophical and historical preconditions for hybrid war, its epistemological and ideological aspects. The author assesses the statement declaring Russia guilty of waging this type of war. Analysis of relevant sources allows us to answer the question of the theoretical prerequisites for the formation of the concept of hybrid wars and to name the authors who first expressed ideas of the transformation of war into a new type of military confrontation. An attempt is made to perform a comparative analysis of various interpretations of the concept of “hybrid war.” The place of this concept among others that are related to the so-called “new wars” is considered. The author questions a negative connotation to the concept of hybrid war and the legitimacy of attempts by Western countries to attribute the conduct of this type of military action exclusively to Russia. A number of countries attempt to use Russia as a “scapegoat,” and this complex has been described by the French philosopher R. Girard. A broader interpretation of this mechanism leads to sacralization of collective aggression, but not in relation to an individual but in relation to a participant in international relations. Comprehension of the essential features of hybrid war, of its tendencies towards eliminating restrictions and regulating forms and methods of achieving military and political goals makes it possible to identify the possibilities of resisting aggressive aspirations of some countries trying to impose their scenarios for resolving international contradictions on other states.

Keywords: philosophy of war, security, international relations, confrontation, mutiny-war, non-war, military strategy.

Alexey V. Soloviev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of the Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

alexol.ross.msc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0814-0473>

For citation: Soloviev A.V. (2021) Hybrid Warfare: Politico-Military Pankration of the 21st Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 55–73.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-55-73

Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
Но, к счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
...Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

А.С. Пушкин. Гавриилиада

Введение

Сегодня Российская Федерация испытывает на себе нарастающее давление стран Запада, стремящегося подчинить Россию и превратить ее в свой сырьевой придаток. В борьбе против нашего государства используются средства экономического, политического, финансового, идеологического и психологического воздействия, шантаж, угрозы и иные методы. Недавно этот список пополнился новым видом комплексной борьбы – гибридной войной. Концепт, соответствующий данному феномену, по замыслу его авторов был направлен на дискредитацию России.

Придавая термину «гибридная война» негативную коннотацию по примеру успешно опробованного образца («империя зла»), антироссийски настроенные круги за рубежом в очередной раз пытаются пристыдить нас за то, чем сами давно и систематически занимаются в военно-политической сфере. В данной ситуации своевременным представляется историко-философский анализ феномена и понятия «гибридная война».

На что похожа гибридная война? В какой-то степени она сходна со смешанными боевыми искусствами, античным предшественником которых является панкратион. Этот вид единоборств стал

частью античных Олимпийских игр с 648 года до н.э. (принято считать, что греческий философ Платон искусно владел этим видом борьбы), отличаясь от прочих тем, что ограничения в нем были сведены к минимуму. В Спарте существовал даже женский панкратион. Сегодня такой вид борьбы возродился, став предтечей смешанных видов единоборств. Как и смешанные боевые искусства, гибридная война стремится к минимизации правил. Отчасти поэтому она получила распространение в современной международной жизни.

Философские и исторические предпосылки гибридной войны

«Изменение» как превращение в нечто иное издавна было предметом внимания и изучения мыслителей. Истолковывая изменение как движение, Гераклит считал изменение универсальным свойством мироздания. Его утверждения об изменчивости всего сущего стали классическими. К ним относится и следующее: «Одно и то же в нас живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти противоположности, переменившись, суть те, а те, вновь переменившись, суть эти» [Фрагменты... 1989, 213]. Для него основой всего сущего является война, обладающая изменчивым характером. Позднее подобная трактовка свойственных этому феномену качеств нашла отражение в культуре бога Януса у древних римлян.

О трансформациях войны писали многие: Сунь-Цзы, Клаузевиц и др. В XX веке французский полемолог Р. Каррер сравнивал войну с мифическим героем Протеем (сыном Посейдона и Геры), способным менять свое обличье [Carrère 1969, 19–22]. Чтобы лучше понять изменения в войне на протяжении длительного исторического периода, стоит проанализировать понятие «цивилизация». Война имманентна цивилизации, а значит, вопрос о причинно-следственной связи между этими категориями важен для понимания логики развития миро-военного процесса. Независимо от того, что возникло раньше – война или цивилизация, можно констатировать постоянное развитие этих явлений, о чем писал и немецкий историк Г. Дельбрюк в «Истории военного искусства» [Дельбрюк 2003, 4]. В войнах участвовали объединения людей на разных ступенях общественного развития: от племен до государств, демонстрируя историческую тенденцию к смягчению нравов, периодически

впадая в рецидивы жестокости по отношению к противнику и гражданскому населению. Так, в ходе Англо-бурской войны (1899–1902) британские военные впервые осуществили тактику выжженной земли и создали концентрационные лагеря для семей воюющих буров. В период Первой мировой войны цивилизованная Германия впервые в мире применила боевой отравляющий газ (иприт) в борьбе со своим не менее цивилизованным противником. В конце Второй мировой войны США использовали ядерное оружие, основанное на новых физических принципах, против Японии.

Разница между приведенными примерами заключается в том, что в Первой мировой войне немцы использовали оружие массового поражения, воздействуя на личный состав противника, а на завершающем этапе Второй мировой войны (когда поражение Японии было предопределено) американцы направили апокалиптическое оружие против гражданского населения противника ради достижения военно-политических целей. Этическая оправданность атомных бомбардировок Хиросимы (6 августа 1945 года) и Нагасаки (9 августа 1945 года) остается недоказанной, а стратегическое значение представляется сомнительным, так как после вступления СССР в войну против Японии (8 августа 1945 года) боевые действия продолжались до 15 августа 1945 года, а акт о капитуляции подписан 2 сентября 1945 года.

В историческом аспекте интересен еще один пример, восходящий к Первой мировой войне, когда Германия использовала против Франции средства, не оправданные военной необходимостью. Уже в военное время французская сторона приводила документально зафиксированные факты, свидетельствующие об этом [*Les dévastations allemandes...* 1917, 78]. Французы считали такие действия предумышленными. Они утверждали, что немецкая армия применяла (в соответствии с доктринальными установками германского Генерального штаба) особо жестокие способы не только на поле боя, но и по отношению к гражданскому населению, чтобы быстрее победить. Но жестокое ведение войны преследовало, по их мнению, и другую цель – устранить на поле боя завтрашнего конкурента, чтобы обеспечить немецким промышленникам и немецкой экономике в целом более благоприятные условия развития в мирное время. Большая часть разрушений осу-

ществлялась, систематически, вне ведения боевых действий [Tardieu 1921, 308–309].

Гносеология гибридной войны

Главным препятствием, с которым мы сталкиваемся при попытке объективного рассмотрения исследуемого нами явления и отражающего его понятия является отсутствие четкой дефиниции войн подобного рода, что приводит к путанице в понимании их сущности, а, следовательно, к трудностям их классификации. Содержание понятия зависит от того, в каком контексте оно употребляется. Понятие «гибридная война» может иметь две трактовки: узкую и широкую. В узком смысле слова под ним подразумевается комбинированный вид боевых действий, в широком – противоборство между противниками в различных сферах. Следует отметить, что анализируемый термин является «обоюдоострым». Обвинения в ведении такой войны слышатся как с одной, так и с другой стороны. США и их сторонники обвиняют в этом Россию. Россия и поддерживающие ее акторы утверждают обратное. Очевидным становится необходимость научного определения [Белозёров, Соловьев 2015, 8–9].

Метаморфозы войны тесно связаны с разработкой вопроса о типологизации войн и выявлением критериев, по которым это можно осуществить. Надлежащая классификация войн способствует определению тенденций развития способов вооруженной борьбы и направлений подготовки к возможным военным конфликтам. Война, будучи многогранным явлением, содержит в зачаточном состоянии потенциальные возможности появления новых типов конфликтов с преобладанием тех или иных качеств, которые придают им специфические свойства. Различные комбинации составных частей позволяют давать войнам названия, фиксирующие преобладающие свойства. В зависимости от критериев, выбираемых для классификации, формируется типология по преобладающему признаку (локальная война, мировая война, война малой интенсивности, оборонительная война и т.д.). В войне присутствуют постоянные и переменные элементы [Соловьев 2015, 59–60].

Об изменениях облика войны сегодня пишут много на разных языках. Чаще всего на русский язык переводят англоязычные источники, что создает определенный дисбаланс в оценке тенденций развития феномена войны и вкладе авторов в этот процесс. Среди

широко известных в России авторов можно назвать Мартина ван Кревельда¹ и Мэри Калдор². Они освещают проблему превращения войн в современную эпоху.

Ван Кревельд во введении к своей книге «Трансформация войны» (1991) говорит о предназначении произведения: «Настоящая книга имеет своей целью обратиться к наиболее фундаментальным вопросам, которые война ставит перед человеком на протяжении всей истории: кто ведет войны, что такое война, как, из-за чего и почему ее затевают. Эти вопросы отнюдь не новы, и лишь ответы на них, в соответствии с мнениями людей разных эпох и представителей разных наций, были бы равно масштабны изложению истории цивилизаций. Многие читатели, несомненно, отнесутся к некоторым из данных вопросов как к чисто философским, возможно, даже сочтут их не связанными с “практикой” ведения боевых действий. Однако очевидно, что ни один вид человеческой деятельности не может фактически существовать, тем более успешно развиваться, без четкого понимания принципов, лежащих в основе противостояний и ведения войны как такового. Вот почему чрезвычайно важно найти верные ответы на перечисленные вопросы» [ван Кревельд 2015, 17]. Автор размышляет над изменениями, произошедшими в ведении и понимании современной войны, пытается заглянуть в будущее феномена. Что-то ему удастся, что-то, как многие заметили в 2020 году, отличается от его предвидений, но, в целом, многое совпадает. Основным термином, который он употребляет является «война низкой интенсивности». По его мнению, в будущем «...войны будут вести не армии, а группы, членов которых мы сегодня называем террористами, партизанами, бандитами и грабителями...» [ван Кревельд 2015, 273]. О гибридной войне он не упоминает, т.к. термин появился позднее.

Возвращаясь к теме новых и старых войн, Мэри Калдор в своей книге, появившейся на свет в 2012 году, нейтрально упоминает

---

¹ Мартин Леви ван Кревельд (род. 1946) – израильский историк, специалист по вопросам военной истории, стратегии, военный аналитик, профессор Иерусалимского университета. Автор более пятнадцати работ по истории и военной стратегии.

² Мэри Генриетта Калдор (род. 1946) – британский академик, профессор Лондонской школы экономики, руководитель отдела исследований гражданского общества и безопасности человека. Преподает также в Барселонском институте международных исследований. Автор нескольких работ о войне.

о гибридных войнах: «Более поздним понятием, используемым Фрэнком Хоффманом и получившим широкое хождение, в частности у военных, является термин “гибридные войны”; он очень хорошо схватывает ту размытость публичного и частного, государственного и негосударственного, формального и неформального, которая так свойственна новым войнам. Он также используется для обозначения тех конфликтов, для которых характерно смешение разных типов войны (например, войны с применением обычных вооружений, борьбы с повстанцами, гражданской войны), и в этом качестве, возможно, упускает специфическую логику новых войн» [Калдор 2015, 31].

Многое из того, о чем пишут эти исследователи, задолго до них осветил в начале 60-х годов XX столетия представитель русской эмиграции Е.Э. Месснер³. Он ввел понятие «мятежевойна», отражавшее перемены в сущности современных войн: «Мятежевойна есть современная форма войны. Никаких норм, шаблонов мятежевойны не признает... Индивид мятежевойны не признает классических, грандиозных, массовых сражений... Против массовых армий – тактика комаров и иные приемы мятежевоевания: террор, бандитизм, восстания, беспорядки и даже демонстрации и манифестации... Оператика мятежевойны шагает по таким фазам: деморализация, беспорядки, террор, постепенная вербовка в революционность, перестройка душ... Стратегия мятежевойны имеет конечной целью разрушение структуры, а “разрушенное государство не может быть восстановлено, мертвый не может быть пробужден к жизни” (Сунь-Цзы)... Надо отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война – это когда воюют, а мир – когда не воюют. Можно быть в войне, не воюя явно...» (цит. по: [Домнин, Савинкин 2005]).

Приблизительно в эти годы К. Шмитт публикует небольшую по объему, но значимую в концептуальном плане работу «Теория партизана» (1963), в которой он рассматривает актуальную проблему – проблему изменения привычного образа войны. Он развивает представление о «политическом» применительно к феномену партизана. Впервые возникшая в Испании в период наполеоновских походов герилья продемонстрировала иной тип

---

³ Евгений Эдуардович Месснер (1891–1974) – военный теоретик, полковник Генерального штаба Русской армии, эмигрировавший из России после гражданской войны. Автор многих работ, предрекавших наступление эпохи «мятежевойн».

ведения боевых действий, субъектом которых был народ. Характерная черта нового в войне этого типа – нарушение правил и пренебрежение правилами. Он экстраполирует схожие проявления на более ранний период (на Тридцатилетнюю войну на немецкой земле, на гражданские и колониальные войны). Кроме того, подчеркивает опыт России: «Русская армия в течение всего XIX века вела многочисленные войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-германская армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу с наполеоновской армией» [Шмитт 2007, 22].

Работы Шмитта и Месснера стали теоретической основой нового восприятия войны, соответствующего военно-политической ситуации в мире в начале 1960-х годов. В дальнейшем их идеи творчески развили другие теоретики.

Бельгийский политолог Ж. Анротен⁴, не упоминая работы Месснера и Шмитта, как и русскоязычную специальную литературу, посвященную данной проблеме, родоначальником понятия «техно-герилья» называет Ги Броссоле с его работой «Эссе по не-войне» [Brossollet 1975], а Францию – страной, в которой такой концепт формализован. Понятие «техно-герилья» он определяет как тесную комбинацию партизанских действий и технологий, изначально воспринимаемых прерогативой государства. Из этого следует, что она становится доступной отдельным «суб-государственным группам», а также странам, опирающимся на такие группы, или развивающим свои способы ведения войны в данном направлении. Различие между «герильей» и «техно-герильей» заключается, по его мнению, в возросшей огневой мощи с точки зрения дальности, но особенно в развитии более разнообразных военных возможностей. В указанной работе автор стремится подвергнуть деконструкции (т.е. применяет пост-структуралистский прием) ряд мифов, в том числе связанных

---

⁴ Жозеф Анротен (род. 1975) – доктор политических наук, руководитель исследований в Центре анализа и прогнозов международных рисков (*Centre d'analyse et de prévision des risques internationaux – CAPRI*, Париж) и в Институте стратегии и конфликтов (*Institut de Strategie et des Conflits – ISC*, Париж). Является руководителем факультативного семинара в Высшей военной школе (*Ecole Supérieure de Guerre*). Главный редактор журнала «Оборона и международная безопасность» (*Défense & Sécurité Internationale*). Автор книги на французском языке «Техно-герилья и гибридная война. Худшее для двух миров» (2014).

с технологией и регулярной войной. «Гибридизация» превращается в самостоятельный способ ведения войны, который становится настоятельно необходимым для стратегических акторов, в том числе для государств.

Следовательно, можно предположить, что именно такой дискурс деконструкции, перенесенный в сферу политики, нужен сегодня Западу для описания процессов, происходящих в международной политике. Западные политические деятели и теоретики бездоказательно приписывают ведение гибридных войн российскому государству. Они говорят о том, что важно изучать практику войны, которую Россия, якобы, ведет на Украине. Разоблачать эти инсинуации непросто, поскольку РФ является заинтересованной стороной, а массированная информационная война против нее не позволяет ей доводить до жителей европейских государств объективную информацию во всей ее полноте. Но западная общественность начинает «прозревать» и выражать точку зрения, отличную от официальной.

Интересна в этом контексте реакция западных, в частности, французских представителей интернет-сообщества. Они заявляют, что «нелинейная война» (гибридная) уже осуществлялась Западом в Боснии, Косово, Ливии, Кот-д'Ивуар, Никарагуа, а русскими в Осетии, Абхазии и других местах. Некоторые из них считают, что у НАТО не получается убедительно объяснить свое поражение на Украине, поэтому она пытается «дурочить людей», хотя очевидно, что Россия не применила ничего нового в существующей практике ведения войны.

Несомненно, концепция «гибридной войны» заслуживает изучения как один из возможных вариантов развития тактики и стратегии современности. Но нельзя сосредоточивать внимание только на ней. Наша задача состоит в разработке собственной военной науки, военной доктрины, отвечающей актуальным и перспективным задачам, а также средств, усиливающих ее силовую составляющую. Нам есть – у кого учиться среди отечественных теоретиков, но не следует упускать из виду передовую иностранную военную мысль. «Гибридная война» – концепт, появившийся недавно. Чтобы ответить на вопрос, чему он соответствует в действительности, необходимо найти адекватное определение для исследуемого понятия, уточняющее количество объектов, входящих в класс предметов, характеризующихся таким образом. Важно определить достаточный объем понятия, чтобы

называть ту или иную войну гибридной. Основным препятствием, на которое мы наталкиваемся, – отсутствие четкой дефиниции войн подобного рода, что приводит к путанице в понимании сущности этого типа войн, и, следовательно, к трудностям в их классификации.

Идеологические аспекты гибридной войны

Концепт «гибридная война» введен в военно-политический дискурс бывшим генеральным секретарем НАТО Андерсом Фог Расмуссеном и главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Филипом М. Бридлавром, обвинившими Россию в том, что она ведет в Украине «гибридную войну», представляющую собой сочетание известных и новых способов противоборства. Изложенную позицию активно поддерживают США и страны Прибалтики, ряд других членов ЕС и Украина. В их высказываниях просматривается не столько озабоченность гибридной войной, сколько неким «желанием» России изменить существующий международный порядок, а также ее региональными и мировыми амбициями [Kudors 2015]. Подобную мысль можно встретить в официальных документах США.

Коллективный Запад обвиняет Россию в том, что она ведет в Украине гибридную войну, представляющую собой сочетание известных и новых способов противоборства. Однако эту точку зрения разделяют далеко не все представители западной общественности. Например, Павел Фельгенгауэр, эксперт по военным вопросам, оппозиционный журналист утверждает, что это не что иное, как «пропагандистский трюк». По его мнению, нет ничего нового в способах борьбы, ведомой государствами, изменяются лишь технические средства. Журналист приводит в подтверждение примеры аншлюса Австрии, аннексии Судетской области, где уже присутствовал продолжительный период дестабилизации до введения войск. Следуя этой логике, можно было бы дополнить этот список аннексией Германской Демократической Республики (ГДР) Федеративной Республикой Германией в 1990 году, но западные правительства не хотят использовать этот термин применительно к этому историческому событию. В данном случае они предпочитают говорить о «воссоединении двух Германий».

Член комитета по международным делам Бундестага ФРГ Родерих Кизеветтер придерживается иной, антироссийской идеологической установки. Он считает, что гибридная война – это сочета-

ние классических военных действий, усиленных пропагандой и дезинформацией. Все это, по его мнению, Россия делает для того, чтобы дестабилизировать ЕС, нарушить его единство в вопросе санкций против РФ, дестабилизировать Украину и повергнуть ее с целью создания на долгие годы проблем для ЕС. Приведенные утверждения представляются продуманной ложью, единственная цель которой – переложить свои ошибки на противника. Чтобы добиться желаемого результата, широко используется методика бездоказательного обвинения и фальсификаций.

Эксперты из «NATO Review» утверждают, что международные организации (в т.ч. НАТО) не знают, как адаптироваться к новому типу агрессии, названному гибридной войной. Они утверждают, что русские оказались хитрее, что в информационной войне они страшны, что *Russia Today* бьет прямо в цель. Для западного обывателя создается пугающая картина, где Россия по всем статьям превосходит Запад⁵. Такие утверждения влияют на общественное мнение в странах атлантического блока. Так, неофициальный опрос, проведенный журналистом Марком Дайсом, показал, что превентивное применение ядерного оружия по противнику (Россия) большинством опрошенных граждан США воспринимается как вполне допустимое⁶. Подобные настроения жителей стран, входящих в НАТО, служат оправданием увеличения расходов на военные нужды и обоснованием справедливости недружественных шагов по отношению к России.

«Гибридная война» – лишь один из терминов, применяемых при характеристике т.н. новых войн. Различные авторы именуют их «войнами среди людей», «войнами третьего рода», «приватизированными войнами», «мультивариантными войнами», «комплексными военными действиями» [Калдор 2015, 378, 384] и т.д. Полагаем, термин «гибридная война» – из приведенных названий наиболее подходящий, поскольку он обладает воздействием как на рациональное, так и на эмоциональное его восприятие субъектом. Вместе с тем, его следует подвергнуть скрупулезному анализу в целях установления его функциональности и содержательности.

---

⁵ См.: La guerre hybride et le choix de la riposte // NATO Review. 2014. 01 juillet. – URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm>

⁶ См.: Американцы далеки от российской реальности, но готовы нанести превентивный ядерный удар // RT. 2015. 12 июня. – URL: <http://russian.rt.com/article/96947>

В Национальной военной стратегии США 2015 года большое внимание уделено проблеме гибридных войн, рассматриваемых в качестве элемента военно-политической активности государств, противостоящих США. В разделе «Обстановка в сфере безопасности» указывается на существование различных источников конфликтности, где пересекается государственное и негосударственное насилие. В ходе данных конфликтов для достижения поставленных целей могут применяться комбинированные силы и средства, методы и ресурсы. В тексте документа отмечается: «В таких “гибридных” конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму» [Национальные военные стратегии... 2018, 106]. Составителями документа, по-видимому, не случайно использован термин «гибридный конфликт», в котором происходит замена слова «война» словом «конфликт», что приводит к расширению понятийного поля термина, позволяющему различные трактовки. Так, в теоретическом аспекте более удобным представляется понятие «гибридный конфликт», а в пропагандистском плане – более эффективным видится «гибридная война», т.к. категория «война» гораздо сильнее затрагивает эмоциональную сферу людей, а также влияет на их политические настроения.

Анализируя контекст, в котором вызревали предпосылки появления гибридной войны можно с уверенностью утверждать, что «изобретателем» этого вида современных боевых действий и соответствующего термина является мощнейшая держава в мире. Именно она имеет достаточно средств, чтобы позволить себе экспериментировать во всех областях, включая войну. В СМИ и среди политических деятелей распространено мнение о том, что гибридная война – форма борьбы бедных стран. Идея далеко не оригинальная. О соотношении экономического уровня государства и характера войн, которые оно способно вести, французский социолог Гастон Бутуль писал в своих работах еще в 1970-х годах. Выдвигаемый тезис вызывает обоснованные сомнения. Чтобы использовать весь набор средств борьбы, предполагаемых в современной гибридной войне, скорее, нужно быть богатым.

Одной из фундаментальных составляющих «гибридной войны» является информационная война. Неслучайно те, кто надеются победить в ней, придумывают новые категории, чтобы контролировать, направлять, и, следовательно, главенствовать в ментальной и реальной борьбе. Сунь-Цзы еще в VI веке до н.э. говорил

об «идеальной» войне, без применения оружия, утверждая, что подчинение противника силой не является вершиной военного искусства, а вершиной военного искусства является подчинение противника без единой капли крови. Примером применения подобной стратегии служит распад СССР. В итоге наша страна получила действенную «вакцинацию» против иллюзий о благожелательном отношении Запада к России.

Практика обвинений в адрес нашей страны имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить прецедент, связанный с именем Р. Рейгана, заклеймившего СССР как «империю зла». Нельзя не вспомнить о древнем, но по-прежнему актуальном сакральном методе возложения всех грехов на одного субъекта, чтобы он понес наказание за якобы содеянное. В теоретическом аспекте комплекс «козла отпущения», являющийся сакрализацией коллективной агрессии по отношению к индивиду, рассмотрен Р. Жираром в ряде его философских работ [Жирар 2010; Жирар 2018]. В политическом аспекте этот комплекс экстраполируется западными теоретиками и практиками на конкретную страну.

Распад Советского Союза, Варшавского договора и социалистической системы мало что изменил в отношении Запада к обновленной России. Взамен политических и военных уступок Россия получила расширение НАТО в сторону своих границ, лицемерное, недружественное и высокомерное отношение к себе. Вопросы противоракетной обороны и внеблокового статуса Украины перестали обсуждать. В Европе муссируются утверждения, что Россия может распространить гибридную войну на прибалтийские страны.

В информационной записке «Гибридная война: новый вызов Европе», составленной А. Кудорсом из Центра восточноевропейских политических исследований (*Centre for East European Policy Studies*) дана одна из существующих дефиниций гибридной войны: «Гибридная война – это конфликт, связанный с наличием внутренних или внешних угроз для какой-либо страны, в которой одновременно применяется несколько типов ведения военных действий: обычные вооруженные силы, тактика нерегулярных вооруженных формирований, а также нелегитимные действия, нацеленные на дестабилизацию ситуации [Kudors 2015]. Однако для вывода о том, что такая война исходит из России, нет достаточных оснований. Возможна ли война, в том числе гибридная, со стороны РФ против новых независимых европейских государств?

Безусловно, нет, потому что она не нужна России. В случае развязывания этими государствами войны против России с ее стороны она не будет гибридной по своему характеру.

В английском языке термин «hybrid warfare» означает военную стратегию, объединяющую классическую войну, малую войну и кибервойну. Этот термин используется и для обозначения сопровождаемых информационным противоборством – ядерного нападения, биологических и химических атак, применения самодельных зарядов. Другая интерпретация основана на определении гибридной войны как главного метода действий в асимметричной войне. Гибридная война ведется на трех разных полях сражения: внутри населения зоны конфликта, среди населения в глубине боевых действий и с международным сообществом. Среди ряда дефиниций, приемлемым можно считать определение, предложенное Джонатаном Маркусом: «Гибридная война – это сплав открытой и тайной военной мощи, комбинация провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них»⁷. Но это определение в большой степени подходит для событий в Сирии. В таком случае возникает логичный вопрос. Разве гибридная война является исключительно российским феноменом? Очевидно, что нет. Ввиду происходящего на юго-востоке Украины создается впечатление «дежавю». Аналогичные ситуации возникали не раз. Это косвенно подтверждают эксперты «NATO Review», заявляя, что этот быстро развивающийся вид агрессии является своего рода стратегией, применяемой с некоторого времени, в частности, русскими⁸. То есть, в общем, применяется многими и не только Россией.

Заключение

Начало XXI столетия не оправдало утопических надежд на бесконфликтное развитие человеческого общества. Подобно тому, как в свое время Р. Арон писал о разочаровании в прогрессе [Aron 1969], мы можем говорить о разочаровании в пацифизме. Военно-

---

⁷ Маркус Д. Гибридная война Путина – головная боль НАТО // BBC News. 2014. 1 декабря. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy

⁸ См.: La guerre hybride et le choix de la riposte // NATO Review. 2014. 01 juillet. – URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm>

политическая реальность свидетельствует о необходимости выработки новых политико-философских концепций и теорий в области международных отношений. Россия при этом оказалась в непрестом положении. Потеряв в период «перестройки» многих союзников, пережив распад СССР, Варшавского договора, ослабление военного и экономического потенциала, позиций на мировой арене, она оказалась перед фактом настойчивого продвижения НАТО на Восток, непрекращающегося военно-политического и психологического давления.

Что можно и нужно противопоставить тем, кто считает и даже объявляет Россию своим врагом? Одной из насущных задач, стоящих перед Россией помимо совершенствования вооруженных сил страны, является укрепление уверенности в своей правоте. Попытки оказать давление на Россию, обвинить в ведении гибридной войны, при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными. Французские авторы на историческом материале показывают, что прототипы гибридной войны можно найти в Античности. Русский философ войны Е.Э. Месснер посвятил в 60-е годы XX столетия несколько книг исследованию «мятежевойны». К. Шмитт создал «теорию партизана». В 70-е годы французский исследователь Г. Бросоле предложил термин «не-война». Отечественные ученые, ссылаясь на источники, подтверждают, что о гибридной войне заговорили намного раньше, чем западные политики обвинили наши вооруженные силы в ведении такой войны [Комлева 2017]. Вместе с тем, западные страны широко используют практику гибридной войны.

Сегодня, когда недружественное окружение старается всеми способами и средствами нанести ущерб России, чтобы она не оправилась от результатов перестройки и не заняла достойное место в системе международных отношений, страна должна быть готова к различным сценариям, в том числе к попыткам втянуть ее в военные конфликты. В этом случае мы должны осознавать, что по отношению к нам будут применяться все средства. Таким образом, если нас попытаются втянуть в современный военно-политический панкратион, нашему государству необходимо осваивать приемы возможной борьбы, искать у противника «то место роковое», воздействие на которое позволило бы не допустить его агрессивных действий в дальнейшем.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белозёров 2014 – *Белозёров В.К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. 2014. № 4 (28). С. 9–13.

Белозёров, Соловьев 2015 – *Белозёров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.

Валлерстайн 2003 – *Валлерстайн И.* После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

ван Кревельд 2015 – *ван Кревельд М.* Трансформация войны. – М.: Ирисэн, 2015.

Дельбрюк 2003 – *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Античный мир. Германцы. – Смоленск: Русич, 2003.

Домнин, Савинкин 2005 – *Домнин И.В., Савинкин А.Е.* Ассиметричное воевание // Отечественные записки. 2005. № 5 (26). С. 66–72.

Жирар 2010 – *Жирар Р.* Козёл отпущения. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

Жирар 2018 – *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего как молния. – М.: ББИ, 2018.

Калдор 2015 – *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

Клаузевиц 1997 – *Клаузевиц К.* О войне. – М., 1997.

Комлева 2017 – *Комлева Н.А.* Гибридная война: сущность и специфика // *Tempus et memoria.* 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 128–137.

Национальные военные стратегии... 2018 – Национальные военные стратегии США / сост. Д.В. Кузнецов. – Б.м.: Б. изд., 2018.

Панарин 2004 – *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2004.

Панарин 2004 – *Панарин А.С.* Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Соловьев 2015 – *Соловьев А.В.* Цивилизация и война // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ.* Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 52–62.

Сунь-Цзы 2003 – *Сунь-Цзы* Трактаты о военном искусстве. – М., 2003.

Фрагменты... 1989 – *Фрагменты ранних греческих философов.* Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989.

Хантингтон 1994 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис.* 1994. №1. С. 33–48.

Шмитт 2007 – *Шмитт К.* Теория партизана. – М.: Праксис, 2007.

Aron 1969 – *Aron R.* Les Désillusions du progrès. – Paris, Calmann-Lévy, 1969.

Brossollet 1975 – *Brossollet G.* Essai sur la non-bataille. – Paris: Belin, 1975.

Carrère 1969 – *Carrère R.* La guerre, cette inconnue // Guerre et paix. 1969. No. 1. P. 19–22.

Henrotin 2014 – *Henrotin J.* Techno-guérilla et guerre hybride. Le pire des deux mondes. – Paris: Nuvis, 2014.

Kudors 2015 – *Kudors A.* Hybrid War – A New Security Challenge for Europe // Background Notes of Latvian Presidency of the Council of the European Union. 2015.

Les dévastations allemandes... 1917 – Les dévastations allemandes dans les départements envahis, mars-avril 1917. – Paris; Nancy: Librairie Militaire Berger-Levrault, 1917.

Tardieu 1921 – *Tardieu A.* La Paix. Préface de Clémenceau. – Paris: Payot & Cie, 1921.

REFERENCES

Aron R. (1969) *Les Désillusions du progress.* Paris: Calmann-Levy (in French).

Belozеров V.K. (2014) Controlled Chaos and Global Political Strategies. *Geopolitika i bezopasnost'*. No. 4, pp. 9–13 (in Russian).

Belozеров V.K. & Soloviev A.V. (2015) Hybrid War in the Domestic Political and Scientific Discourse. *Vlast'*. No. 9, pp. 8–9 (in Russian).

Brossollet G. (1975) *Essai sur la non-bataille.* Paris: Belin (in French).

Carrère R. (1969) La guerre, cette inconnue. *Guerre et paix.* No. 1, pp. 19–22 (in French).

Delbrück H. (2003) *History of the Art of War. The Ancient World. The Germans.* Smolensk: Rusich (Russian translation).

Domnin I. & Savinkin A. (2005) Asymmetric Warfare. *Otechestvennye Zapiski.* No. 5 (26), pp. 66–72 (in Russian).

Girard R. (2010) *The Scapegoat.* Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House (Russian translation).

Girard R. (2018) *I See Satan Falling Like Lightning.* Moscow: BBI publishing house (Russian translation).

Henrotin J. (2014) *Techno-guérilla et guerre hybride. Le pire des deux mondes.* Paris: Nuvis (in French).

Huntington S. (1994) The Clash of the Civilizations? *Polis.* No. 1, pp. 33–48 (Russian translation).

Kaldor M. (2015) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era.* Moscow: Gaidar Institute Press (Russian translation).

Komleva N.A. (2017) Hybrid Warfare: Its Essence and Specificity. *Tempus et memoria.* Vol. 12, no. 3, pp. 128–137 (in Russian).

Kudors A. (2015) *Hybrid War – A New Security Challenge for Europe.* Background Notes of Latvian Presidency of the Council of the European Union.

Kuznetsov D.V. (Comp.) (2018) *National Military Strategies of the USA*. n.p. (in Russian).

Lebedev A.V. (Comp.) (1989) *Fragments of early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism*. Moscow: Nauka (in Russian).

Panarin A.S. (2004) *Strategic Instability in the 21st Century*. Moscow: Algoritm (in Russian).

Panarin A.S. (2014) *Orthodox Civilization*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publisher (in Russian).

Schmitt C. (2007) *The Theory of the Partisan*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Soloviev A.V. (2015) Civilization and War. In: Moshelkov E.N., Boitsova O.Yu., & Rastorguev V.N. (Eds.) *Philosophy of Politics and Law: Yearbook of Research Papers. Volume 6: Civilizations in the Era of Globalism* (pp. 52–62). Moscow: A.V. Vorobiev Publishing (in Russian).

Sun Tzu (2003) *Treatises on the Art of War*. Moscow (Russian translation).

Tardieu A. (1921) *La Paix. Préface de Clémenceau*. Paris: Payot & Cie (in French).

van Creveld M. (2015) *The Transformation of War*. Moscow: IRISEN (Russian translation).

von Clausewitz C. (1997) *On War*. Moscow (Russian translation).

Wallerstein I. (2003) *After Liberalism*. Moscow: URSS (Russian translation).

Welschinger H. (Comp.) (1917) *Les dévastations allemandes dans les départements envahis, mars-avril 1917*. Paris: Librairie Militaire Berger-Levrault (in French).